

4. *Лубский А.В.* Неоклассическая модель социологического исследования // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 7.

5. *Лубский А.В.* Методология региональных социально-гуманитарных исследований. Ростов н/Д., 2009.

6. *Лубский А.В.* Рецензия: Ж.Т. Тощенко «Фантомы российского общества» // Вопросы философии. 2015. № 7.

7. *Тощенко Ж.Т.* Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // Социологические исследования. 2000. № 2.

8. *Тощенко Ж.Т.* Новые тенденции в развитии российской социологии // Новые идеи в социологии / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2013.

9. *Тощенко Ж.Т.* Фантомы российского общества. М., 2015.

10. *Тощенко Ж.Т.* Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования. 2015. № 1.

В.П. Макаренко

НЕРЕАЛИЗОВАННАЯ ИДЕЯ ДЛЯ КИНО

В книге Ж.Т. Тощенко я особенно внимательно прочитал главу о политических клоунах (шутах). Автор ограничивает эту тему описанием свойств второстепенных фигур Жириновского и Новодворской. Меня интересует другой вопрос: можно ли считать политическим клоуном первое лицо государства? На этот вопрос я попытался ответить в книге «Революция и власть»¹. В ней есть глава «Шут или клоун?», в которой проблема рассматривается на основе анализа фигуры Сталина. Здесь воспроизведу основные идеи своего подхода к проблеме. Не для того, чтобы спорить с Жаном Терентьевичем, а чтобы занять другую позицию и одновременно показать ее содержательный смысл и эвристические возможности.

В фильме Т. Абуладзе «Покаяние» Сталин представлен дураком или шутом. Такой художественный прием не оригинален. Еще перед Второй мировой войной Чарли Чаплин изобразил тирана дураком. В фильме «Диктатор» он пародировал Гитлера или Муссолини. Дать художественное воплощение дуче было несложно – актер мог пользоваться обычным реализмом при отражении прототипа. С Гитлером дело было сложнее. Он представлялся истерическим трагиком и стремился внушить публике, что принадлежит к «униженным и оскорбленным». Поэтому Чаплин ограничился высмеиванием физиономии и жестикуляции тирана.

---

¹ *Макаренко В.П.* Революция и власть. Ростов н/Д., 1990.

Над Гитлером смеялись перед войной и в ходе войны. Ему посвящались карикатуры, прозвища, анекдоты. После войны смех прекратился. Согласно Канту, природа смеха заключается в разрешении напряженного ожидания в ничто. Речь идет о диспропорции между поведением и ситуацией. У Гитлера такой диспропорции не было. Его жестикуляция напоминала пляску святого Витта, и с нее до поры до времени смеялись. Едва увидели за ней тысячи эшелонов, везущих людей со всей Европы в германские крематории, стало не до смеха. Оказалось, что Гитлер не врал и всегда был искренен.

У Гитлера не было чувства юмора. Неизвестны случаи, когда он рассмешил аудиторию. Сталин смешил публику почти в каждом выступлении. Значит, смех зала доставлял ему удовольствие. Отсюда не следует, что Сталин был классиком смеха. Вождь с трубкой и в сапогах был политиком умеренным – всю жизнь защищал союз с середняком. По этой причине его самого надо воспринимать как посредственность. Смешно было бы считать Сталина бедняком юмора или кулаком смеха.

В то же время не стоит слепо повторять Чаплина или Абуладзе, представляя Сталина шутком или дураком. Шут всегда смешон изнутри. Сталин смешным не был, а был скучен и банален. Перед его преступлениями с него никто не смеялся – не было повода. А после преступлений некому было смеяться.

Прошло более шестидесяти лет после того, как вождь сошел в могилу. Открылся исторический шанс – посмеяться теперь или никогда. Но к Сталину относятся по-прежнему серьезно. Поэтому возникает вопрос: какова структура сталинского политического комизма? Советский вождь имел чувство юмора, поскольку он был клоуном. Не шутком и не дураком, как пытались убедить нас в кино, а именно клоуном. В чем же состояла его политическая клоунада?

Сталинский юмор не был юмором обычного человека, а юмором победителя. Хорошо известно, что существует юмор параноиков, шизофреников, маньяков. Но чувство юмора связывает не только различные типы личности, а целые исторические эпохи. На основании этого принципа Сталин действовал как клоун. Он постоянно смешил и срывал аплодисменты зрителей. Стало быть, политический клоун и зрители политического цирка были одним советским коллективом. Но здесь вдруг пришла на ум мысль: большая часть зрителей состояла из тех, кто вскоре должен быть расстрелян и уже взят на мушку.

Участники действия смеются над тем, что ожидает их завтра или послезавтра. В этом и состоит загадочность советского смеха – кол-

лективная податливость на зловещие шутки первого лица государства, всеобщий взрыв хохота. Но мы находимся не в психушке, а на съезде партии. Эстетический катарсис предполагает гомерический смех после трагедии. В Советском Союзе мы слышим его до трагедии.

Значит, надо учитывать природу политического зала, в котором звучат речи Сталина и разворачивается его политическая клоунада. Это собрание людей приобретает свойства субъекта смеха: «Зал встает с мест», «Зал реагирует криками», «Зал оживляется». В то же время публика умеет ранжировать эмоции в зависимости от положительной или отрицательной оценки высказываний вождя. Когда Сталин говорит: «А все-таки мы, старые большевики, не самые плохие люди, товарищи» – это вызывает в зале веселое оживление и длительные аплодисменты. Не взрыв энтузиазма, а только оживление. Реакция зала тонирована и дифференцирована. Но это смех жертв. Политический клоун развлекал завтрашних смертников и лагерников.

При изучении сочинений Сталина бросаются в глаза три особенности сталинского комизма: похвала насилию, высмеивание слабых, ложь. Таковы его главные приемы рассмешить аудиторию. С точки зрения победителя побежденные всегда выглядят низшими существами, поэтому о них можно говорить как о дворниках: «Грубо говоря, Каменев взял на себя роль, так сказать, дворника у Троцкого (*Смех*), прочищающего ему дорогу». Речь идет о подметании пути перед Троцким, который ползет на брюхе. Образ забавный с учетом того, что Сталин находит ему сферу применения: «Пора понять, что оппозиционеры не революционеры дела, а революционеры крикливых фраз и кинематографической ленты». (*Смех, аплодисменты*). Сталин здесь подбрасывает идею киношникам – изобразить революционера, ползущего на брюхе.

Сталин говорит также о кастрации политических противников: «Но коль скоро эта группа отказалась от борьбы с уклоном Зиновьева и Каменева – она оскопила себя, лишила себя силы. Получилось сложение сил оскопленных» (*Смех, продолжительные аплодисменты*). Встречаются обвинения противников в трусости: «Зашуршал где-либо таракан, не успев еще вылезть как следует из норы, а они уже шарахаются назад, приходят в ужас и начинают вопить о катастрофе, о гибели Советской власти» (*Общий хохот*).

Орнитологическая метафорика – следующий способ высмеивания противников: «Я хорошо помню, как в Политбюро в присутствии тов. Ленина Троцкий утверждал, что “кукушка уже прокуковала” дни и часы существования Советской власти (*Смех*)... Я не знаю, куковала

тогда кукушка или не куковала. (Смех). Но если она куковала, то надо признать, что куковала она неправильно. (Аплодисменты, смех). Но вы все видите, товарищи, что революция живет и здравствует, а гибнут другие. Так они куковали и куковали и докуковались, наконец, до ручки». (Смех). Здесь насмешка, ругань, обвинения сводятся к низведению противника до размеров кукушки. Сталин унижает противника: «Пытаясь создать новую партию, вторую партию, оппозиция, по сути дела, занимается ребяческой игрой в партию, ребяческой игрой в ЦК, в областные бюро и т.д.». (Смех. Аплодисменты). Здесь вождь партии обретает уже патерналистское достоинство.

В чем же специфика сталинского юмора? В искренности и беспардонном отрицании истины. Позу искренности на политической сцене культивировали многие демагоги. Мотив «признания» и публичной «исповеди» регулярно встречается в риторике Муссолини и Гитлера. У последнего высказывания о себе напоминают мелодраматический эксгибиционизм. Этот прием использовался постоянно, поскольку он вызывал симпатию слушателей. Но гитлеровские речи вызывали симпатию, а не смех толпы. Тогда как Сталин многократно так высказывался о себе, что это вызывало общий смех. Данное явление трудно понять в такой, например, ситуации: «Да, товарищи, человек я прямой и грубый, я этого не отрицаю». Или в такой: «Я, грешный человек... страдаю некоторым недоверием». Обе фразы вызывали смех всего зала, а ведь слушатели знали хорошо, что сталинская грубость проявлялась в рукоприкладстве, а сталинское недоверие – зародыш маниакальной подозрительности параноика, которой никто не смог противостоять. Значит, в такой грубости и недоверии публика видела свои собственные черты. Подозрительность как политическое качество обычно обуславливается подпольным характером деятельности. А революция в России была прямым и не связанным никакими законами насилием. Поэтому неудивительно, что реакция зала на сталинское признание в грубости и недоверии просто отражала солидарность публики с вождем.

Весь блеск и нищета сталинского юмора подтверждаются в ситуациях, когда генеральный секретарь развлекает международное общество: рабочие делегации, журналистов, писателей, политиков. Вот как он смешил американскую делегацию подозрениями, что все мировое коммунистическое движение находится под руководством Коминтерна: «Есть люди, которые думают, что члены Коммунистического интернационала в Москве только и делают, что сидят и пишут директивы для всех стран. Так как стран, входящих в состав Коминтерна, насчитыва-

ется более 60, то можете себе представить положение членов Коминтерна, которые не спят, не едят и только и делают, что сидят и пишут днем и ночью директивы для этих стран».

Таким образом, в эпоху сталинизма смех не был запрещен в советском обществе. Особенно это касается верховного смеха. Его раскаты, интонация и эстетическая неподражаемость спускаются в серую массу номенклатуры. Но смех не был директивой. Его можно уподобить солнечным лучам, поскольку вершина власти культивировала оптимизм, порождавший идеал советского человека. В соответствии с этим идеалом гражданин должен быть энергичным, гордым и принципиальным деятелем, готовым по приказу броситься в огонь и в воду.

Такие образы содержит искусство сталинской эпохи: кино, театр, книги, плакаты, массовая песня. Искусство тиражирует образы физически мощных рабочих с буйной шевелюрой, военных с выражением абсолютной готовности на лице, девиц с румянцем во всю щеку, служаков-аппаратчиков в плащах, из бокового кармана у них торчит центральная газета, как пистолет в кобуре. Лица этих людей выражают неопределенную радость жизни, безграничный оптимизм и веру. Радость жизни образует психологический и эстетический базис, над которым возносится смех как надстройка. Но содержание и цель смеха строго регламентированы: он должен быть громом и молнией, поражающей враждебные силы. Последние всегда персонифицированы. Главной враждебной силой является бюрократизм, но искусство критикует конкретного бюрократа. Этот прием есть разновидность сталинского метода унижения противника.

Определение сталинизма как бюрократического перерождения советской власти принадлежит Троцкому. Однако никто не боролся с таким размахом с бюрократизмом, как товарищ Сталин. Гонение на бюрократов было дымной завесой над гигантской системой учреждений и должностей. Сталинская и троцкистская критика бюрократии была просто рецидивом революционной штурмовщины – различного рода спонтанных действий, которые стремились приспособить к разрастающейся гидре бюрократии. Коловращение бумаг в ней не поспевало за атмосферой казенного энтузиазма и оптимизма. Вербальная критика бюрократизма образует специфическую черту сталинизма. Бюрократа постоянно бьют, мстят и угрожают бичом сатиры. Он становится козлом отпущения, отягощенным всеми грехами. Но эта критика ничего не меняла в характере политического режима. Смех над бюрократами был игрой на публику и разновидностью искусства внутренней дипломатии. С его помощью Сталин завоевывал популярность

в народе, затрагивая тайные струны массовой русской души, недоверчиво относящейся ко всяким белоручкам. Государственный чиновник отождествлялся с интеллигентом и должен был чувствовать себя хуже и ниже коллеги из партийного аппарата.

Сталинский смех можно разделить на три сорта: экспортный, антиинтеллектуалистский и верховный. Смех на экспорт переплетен с ненавистью и руганью. Он направлялся против вражеских генералов и капиталистов. Первые обычно изображались с толстым пузом, тоненькими ножками, крохотной головкой под громадной фуражкой и орденом иконостасом на груди. Капиталисты немногим отличались от генералов: ножки у них были еще короче, сбоку громадный мешок с деньгами и сигара в зубах. Раскаты такого хохота подобны пулеметным очередям и артиллерийским залпам. Смех по отношению ко всяким грамотеям, колеблющимся оппортунистам и фракционером был провоцирующим и самодовольным. То был смех победителя, подобный молнии, которая в народных сказках всегда считалась признаком гнева богов.

Верховный смех целиком соответствует бюрократическим стандартам. Его принципы обязательны внутри аппарата власти: высшие уровни имеют право высмеивать глупость низших. Механизмы отрицательной селекции быстро дали результаты – в аппарате управления государством множился тип болтунов, оппортунистов, идиотов. Поэтому вершине власти было над кем посмеяться. На XVII съезде партии Сталин развлекает публику рассказом об идиотизме аппарата. «Я: Как у вас обстоит дело с севом? Он: С севом, товарищ Сталин? Мы мобилизовались. (*Смех*). Я: Ну, и что же? Он: Мы поставили вопрос ребром. (*Смех*). Я: Ну, а дальше как? Он: У нас есть перелом, товарищ Сталин, скоро будет перелом. (*Смех*). Я: А все-таки? Он: У нас намечаются сдвиги. (*Смех*). Я: Ну а все-таки, как у вас с севом? Он: С севом у нас пока ничего не выходит, товарищ Сталин. (*Общий хохот*). И когда, – продолжает вождь, – снимаешь с постов таких болтунов, отсылая их подальше от оперативной работы, они разводят руками и недоумевают: “За что же нас снимают? Разве мы не собрали слет ударников, разве мы не провозгласили на конференции ударников лозунгов партии и правительства, разве мы не избрали весь состав Политбюро ЦК в почетный президиум (*Общий смех*), разве не послали приветствие товарищу Сталину, – чего же еще хотите от нас?”» (*Общий хохот*).

Удивительное дело: публика падает со смеху, прекрасно зная, что вождь говорит абсолютную правду о повседневной деятельности аппарата власти. Зал прекрасно понимает, что карикатурное положение

вещей, рассказанное Сталиным, является всеобщим. Отсюда можно заключить, что верховный смех связывает верхи и низы. Он является в той же степени верховным, в которой низовым и конспиративным. Он образует способ посвящения публики в политическое таинство и государственный разум: между собой мы можем говорить все! Но этот смех не лишен и веселого невежества: мы смеемся, хотя хорошо знаем, что управляем страной плохо, ну и что из того? Кто нам что сделает? И здесь уже возникает связь морали с политикой и юмором: наша сила настолько велика, что мы можем и посмеяться между собой!

Способность смеяться – отличительная черта человеческого рода. Аристотель поднял ее до ранга высших этических добродетелей. Он полагал, что тактичная шутка выражает меру между глупостью и невоспитанностью. Аристотель относил к дуракам тех, кто считает, что им можно высмеивать все и вся, а к невоспитанным – тех, кто руководствуется принципом: «Я шуток не понимаю и другим шутить не позволю». Юмор Сталина не помещается ни на полюсах, ни за пределами аристотелевской типологии. В нем связаны характеры соглядатая и полицейского, глупого и невоспитанного человека. Но глупым Сталина не назовешь. Куда же его отнести? Я думаю, к клоунам. Глава СССР был просто злым клоуном.

В этом смысле смех стал необходимым элементом советского образа жизни. Смех дисциплинировал и интегрировал общество вокруг поставленных социальных целей, связывал вождя и с партийно-государственным аппаратом. Смех вошел в политическую культуру общества, шагнувшего от революции и Гражданской войны к «нормальному» состоянию, которое определялось политически ненормальным человеком.

С.А. Кравченко

ПАРАДОКСАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ФАНТОМОВ

Фундаментальный труд члена-корреспондента РАН Ж.Т. Тощенко «Фантомы российского общества» является логическим продолжением его многолетних исследований парадоксальности и кентавризма в российском обществе. Вместе с тем данное исследование носит самостоятельный пионерский характер, ибо в нем впервые в социологической литературе концептуально обосновываются условия и механизм производства особых случаев противоречивых, парадоксальных социальных реалий в виде фантомов. Под фантомами автор имеет в